

УДК 130.2

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЗАМЕТКИ О СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ В СОБЫТИЯХ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

**БЕЛЯЕВ
ДМИТРИЙ
АНАТОЛЬЕВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии, политологии и
теологии,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского,
Институт истории, права и общественных наук,
Липецк, Российская Федерация,
dm.a.belyaev@gmail.com*

**СЕМЕЕВА
СВЕТЛАНА
АЛЕКСАНДРОВНА**

*аспирант кафедры отечественной и всеобщей
истории,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского,
Институт истории, права и общественных наук,
Липецк, Российская Федерация,
svetlana.semeeva@mail.ru*

Ключевые слова:

философия терроризма
антропология терроризма
русские террористы
смысл жизни
интенция к счастью

Аннотация:

В условиях обострения террористической угрозы для современной России предпринимается попытка анализа мировоззрения исполнителей терактов в условиях революционной ситуации с 1904 по 1907 год, когда страну захлестнула волна террора. В статье поднимается проблема достижимости личного удовлетворения посредством применения террора на примере трагичных судеб революционных террористов – членов Партии социалистов-революционеров. Используемые методы исследования включают идеографический, антропологический, сравнительный. В заключение авторами формулируются выводы об искореженности судеб террористов-революционеров, где не оставалось места для любви, семьи, здоровых эмоций из-за поглощения террором жизни своих исполнителей.

© 2024 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 августа 2024 года

Опубликована: 29 сентября 2024 года

Введение

Однажды один из лидеров Боевой организации партии социалистов-революционеров (БО СРП) Б. В. Савинков поинтересовался у террориста Е. С. Сазонова, который готовился к покушению на министра внутренних дел В. К. Плеве, что, по его мнению, будут испытывать террористы после убийства? В ответ услышал твердое: «Гордость и радость!» [9: 54].

Различие понимания счастья является вечной проблемой. Рассуждавшие о нем доходили до

крайних степеней как сибаритства, так и самоотречения, ставя во главу достижение общественных целей. К последнему типу можно причислить и ряд революционных террористов начала XX века. Цель данной статьи – рассмотреть вехи судеб известных исполнителей терактов начала XX века на предмет достижения счастья от террористической деятельности.

Счастье как философская категория

По мнению мыслителя Паскаля, «всякий человек по природе своей своекорыстен» [1: 38]. Отсюда вытекает вывод о гедонистической подоплеке всех альтруистических действий, ведь их результатом будет упоение собственной значимостью, подкрепленное общественным признанием. Но для революционных террористов, считавших себя исключительными личностями, избранными для великой миссии освобождения мира от зла, была характерна тенденция в выстроенной иерархии гедонистических мотивов занять нишу высшего порядка. Казалась невыносимой мысль позволить себе получать удовлетворение от житейских радостей, ведь это означало бы унижительное «быть как все». Но если рассудить, в большинстве вещей люди схожи, а отличия только кажутся внушительными, потому и пресловутые незатейливые «праздники души» естественно сопровождают каждого.

В то же время дар сопереживания горю ближних не позволил бы им прочувствовать личное счастье, если бы оно существовало в отрыве от коллективного. Совокупность этих условий привела к превращению террора в религию, а террористов – в двуликих апостолов смерти: символы революции для народа и измученных непомерной ношей ответственности людей.

Проклятие террора

Упомянутый Е. С. Сазонов, оказавшись на каторге, стал живым подтверждением истины героя Ф. М. Достоевского Родиона Раскольникова о том, что жить после убийства еще страшнее, чем решиться на лишение жизни другого. По его словам из писем, «сознание греха никогда не покидало» террориста [9: 54]. Принятие им впоследствии яда в 1910 году как способ привлечь внимание общественности к жестокому обращению с политическими заключенными, возможно, имело под собой иную подоплеку.

Начальник Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов, вспоминая дело Татьяны Леонтьевой, заключил: «В первый, но не в последний раз мне пришлось увидеть рожденную для счастья молодую жизнь, обреченную на вечную муку из-за причастности к революции» [4: 152]. Юная Т. А. Леонтьева, дочь вице-губернатора Якутии, которую ожидало назначение во фрейлины императрицы, променяла обеспеченную жизнь в светских кругах на застенки Петропавловской крепости, где сошла с ума и впоследствии была помещена в лечебницу [6: 9]. Однако болезнь спровоцировала одержимость совершением нового теракта. Отправленная родителями на лечение в психиатрическую больницу в Швейцарию, девушка в письме Б. В. Савинкову просила доверить ей убийство министра внутренних дел П. Н. Дурново, который, по слухам, находился с рабочей поездкой в том же городе. Получив отказ, девушка не успокоилась, примкнув к эсерам-максималистам застрелила парижского рантье Ш. Мюллера, похожего на П. Н. Дурново. После череды переводов из одной тюрьмы в другую девушка снова попала в психиатрическую лечебницу, где и умерла от туберкулеза [5: 29].

Сестры Измайлович также предпочли положить свои жизни на алтарь терроризма. Александра Измайлович после покушения на минского губернатора Курлова и полицмейстера Норова была помещена в тюрьму, откуда узнала о том, что ее любимая сестра Екатерина, выстрелив в 1906 году в Севастополе в командующего Черноморским флотом адмирала Г. П. Чухнина, была убита его ординарцами во дворе. Для Александры дни были одинаково непереносимы из-за наваждения, когда «в ушах звенит этот смех, перед глазами стоит вся она, молодая, полная радости жизни, со смеющимися глазами». В тюрьме эта беда сблизила ее с давним знакомым Карлом, женихом сестры, а перестукивания азбукой Морзе стали единственной отдушиной. После судьба разлучила их, отправленных на разные каторги [2: 162].

Эсерка М. А. Спиридонова, убив на железнодорожном вокзале Борисоглебска губернского советника Г. Н. Луженовского, подверглась зверскому избиению и оскорблению казаков [6: 11]. «Эсеровская богородица» добровольно лишила себя семейного уюта и права материнства. Впрочем, в начале XX века у женщин в России практически и не было иных прав, роль домашней хозяйки связывалась с надоевшим бытом, а террор, помимо новизны, манил перспективой удовлетворения честолюбивых желаний, оказываясь социальным лифтом.

Ю. И. Мержеевской, пытавшейся совершить покушение на жизнь императора Николая II в Севастополе в 1909 году, располагавшей значительными суммами после смерти отца, знаменитого психиатра И. П. Мержеевского, в 1908 году, и жившей за границей с 1907 года, по словам эсера Поплавского, беззастенчиво пользовалась «парижская эсеровская публика», которая заняла однажды у нее около 35 тысяч рублей, вогнав девушку в бедственное положение, а после ее заключения в

Петропавловскую крепость «почти каждый радуется тому, ...что их беспокоит за долги некому». Дружба, в которой соратники воспринимают человека как денежный мешок, но пренебрегают личностью, вызывает сочувствие. Впрочем, неизвестно, страдала ли от этого сама психически нездоровая Мержеевская, жившая в иллюзиях о собственной роли в деле борьбы [3: 13].

Нередкими были случаи гибели или получения увечий при изготовлении / разряжении бомб. Примеры таковых: смерть А. Покотилова 31 марта 1904 года в Северной гостинице, оторванная кисть и израненное осколками лицо М. А. Беневской в апреле 1906 года [2: 90].

Боевики создавали впечатление фанатиков, для которых террор имел ореол «святости». После того, как в 1908 году стало известно о провокации руководителя БО ПСР Е. Ф. Азефа, Р. Лурье застрелилась [2: 108]. Схожий мотив прослеживался в действиях Э. Лапиной, главы боевого отряда, которая не смогла вынести давления товарищей, усомнившихся в ее честности, а значит, в принадлежности демону террора, и обвинивших в сотрудничестве с полицией, что оказалось ошибкой [2: 291].

Испытание однообразными тюремными буднями для деятельных людей оказывалось непосильной ношей. По этой причине самоубийство совершил и С. Н. Ильинский, известный убийством в Твери в 1906 году члена Государственного совета графа А. П. Игнатьева, повесившись на дверной ручке [8: 306]. Вдобавок его отец прервал с ним общение, чувствуя угрозу своей репутации от поступка сына [8: 303].

Заключение

Можно констатировать, что с давних пор человек был озабочен поисками счастья через обретение смысла жизни, но принципиально важно не заслонить одной, кажущейся благородной, целью саму жизнь в ее многоликости. Этой ошибки не избежали затронутые в статье личности, угодившие в ловушку террора, где средство превращается в цель, которая, как воронка, вбирает в себя жизни и разум подошедших слишком близко.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БО ПСР – Боевая организация партии социалистов-революционеров

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов В. Жизнь и счастье. — Санкт-Петербург: Типография А. Суворина, 1884. — 94 с.
2. Будницкий О. В. Женщины-террористки в России. Бескорыстные убийцы: мемуары / О. В. Будницкий. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. — 640 с.
3. ГАРФ. Ф. 271 Оп. 1 Д. 5
4. Герасимов А. В. На лезвии с террористами: мемуары / А. В. Герасимов. — Москва: YMCA-PRESS, 1985. — 212 с.
5. Калмыкова А. А. Татьяна Леонтьева и «Мукден русской революции» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. — 2014. — Т. 14, вып. 4. — С. 25–30.
6. Кравченко Т. Ю. Возлюбленная террора. — Москва: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. — 480 с.
7. Метелица // Маски. — 1906. — № 1. — С. 7.
8. Минаев И. Памяти Сережи Ильинского // Каторга и ссылка. — 1925. — № 5. — С. 302–306.
9. Савинков Б. В. Воспоминания террориста: мемуары / Б. В. Савинков // Избранное. — Ленинград: Художественная литература, 1990. — С. 23–306.

REFERENCES

1. Baranov V. Life and happiness. — St. Petersburg: A. Suvorin Printing House, 1884. — 94 p. (In Russ.)
2. Budnitsky O. V. Women terrorists in Russia. Disinterested killers: memoirs / O. V. Budnitsky. — Rostov-on-Don : Phoenix, 1996. — 640 p. (In Russ.)
3. GARF. F. 271 Op. 1 D. 5
4. Gerasimov A.V. On the edge with terrorists : memoirs / A.V. Gerasimov. — Moscow : YMCA-PRESS, 1985. — 212 p. (In Russ.)
5. Kalmykova A. A. Tatyana Leontieva and the "Mukden of the Russian Revolution" // *Izvestiya Saratov*

University. A new series. A series of Stories. International relations. - 2014. — Vol. 14, issue 4. — pp. 25-30. (In Russ.)

6. Kravchenko T. Y. Beloved of terror. — Moscow : Olympus; Smolensk: Rusich, 1998. — 480 p. (In Russ.)

7. The snowstorm // *Masks*. - 1906. — No. 1. — S. 7. (In Russ.)

8. Savinkov B. V. Memoirs of a terrorist : memoirs / B. V. Savinkov // *Favorites*. — Leningrad : Fiction, 1990. — pp. 23-306. (In Russ.)

SOCIAL ANTHROPOLOGY OF TERRORIST ACTIVITY: INSIGHTS INTO INDIVIDUAL FATES DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

BELYAEV
Dmitry

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy, Political
Science and Theology,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P.
Semenov-Tyan-Shan, Institute of History, Law and Social
Sciences,
Lipetsk, Russian Federation, dm.a.belyaev@gmail.com*

SEMEEVA
Svetlana

*, Postgraduate student, Department of National and
Universal History,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P.
Semenov-Tyan-Shan, Institute of History, Law and Social
Sciences,
Lipetsk, Russian Federation, svetlana.semeeva@mail.ru*

Keywords:

philosophy of terrorism
anthropology of terrorism
Russian terrorists
meaning of life
intension to happiness

Summary:

In light of the escalating terrorist threat facing modern Russia, this article examines the worldview of individuals who perpetrated acts of terrorism during the revolutionary period from 1904 to 1907, when the country was rocked by a surge of violence. The study explores the issue of whether personal fulfillment can be achieved through acts of terror, as illustrated by the tragic destinies of revolutionary terrorists who were members of the Russian Socialist Revolutionary Party. The research employs a variety of methodologies, including ideographic, anthropological, and comparative approaches. Ultimately, the authors draw conclusions regarding the warped lives of these revolutionary terrorists, highlighting how their immersion in terror left little room for love, family, or healthy emotional experiences.